

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

А. Мурашов

Компьютер — друг,
или Когда мозги отдыхают...

115 - 120

КОМПЬЮТЕР – ДРУГ, ИЛИ КОГДА МОЗГИ ОТДЫХАЮТ...

А. МУРАШОВ

Компьютер — друг человека. Он сменил в этом качестве и собаку, и даже управдома. Информационная революция открыла невероятные ресурсы и перспективы, когда стало возможным практически мгновенно направить адресату нужный материал, получить любую информацию, связаться с интересующим собеседником. И вот уже лёгкие и изящные компьютерные планшеты заменяют школьникам тяжеленные учебники, а студенты не штурмуют библиотечные хранилища, чтобы найти интересующую и изданную только раз книжку, без которой нет курсовой работы. Учителя не могут прийти в себя от восхищения. А когда приходят, то вместе с подопечными сомневаются: точно ли Волга впадает в Каспийское море, если не у кого (не у чего) поинтересоваться. Родители в экзальтации: то гонял собак по улицам, зато теперь усидчивым стал! А когда экзальтация проходит, — начинают бить тревогу: чадо не оттащишь от экрана! Вроде сплошной позитив: там — задания, там — решения; но там — и рыкающие танки, которые нужно во что бы то ни стало сбить, там — и золотые самородки, которые нужно захватить, чтобы перейти на другой уровень. И вот уже — не виртуально, а вполне реально, — всклокоченные волосы, какой-то сдавленный с непривычки голос, глаза, с трудом различающие такие, казалось бы, надоевшие своей обыденностью предметы. А бывает, и неистово

вращающаяся в каком-то внутреннем вихре голова, и пена изо рта у валящегося навзничь «игромана». Такое тоже бывает.

Компьютер не виноват. Он и решить поможет, и написание подскажет, и переведёт, если нужно, — от него только обретения, ни больше ни меньше. (Заметим в скобках, что ни решить, ни грамотно писать, ни переводить дитя, вручившее себя без остатка железному другу, уже не в состоянии; со всё большей неохотой поднимается, со всё большим трудом общается с родителями, — но это в скобках, об этом говорилось не раз.) Сегодня все — и ребёнок, и студент, и учитель, и президент Академии образования — за компьютерами; все мы в той или иной степени «качаем» и «зависаем», читаем и комментируем. Важно, насколько сами понимаем специфику диалога человека с машиной. Не «перегибаем ли палку», когда видим в учителе такого посредника между мозговыми «файлами» и «фреймами» ученика — и надписями на интерактивном экране, которые ему, учителю, в лучшем случае предстоит озвучить, чем зачастую и определяют ныне уровень его профессионализма. И за пределами всего этого также зачастую остаётся дитя, изучающее историю по компьютерным картинкам, математику — по возможности скачать решение, физику — по моделям весов, шкал и потрясающе имитированным ситуациям, за пределами которых он отдыхает. И современные педагогика с методикой тоже отдыхают.

— Ребята, когда началась Великая Отечественная война, помните? — обращается к собравшимся в зале школьникам гость со сцены. Ребята молчат. Кто-то пытается понять услышанное. И вдруг — о чудо! — точный ответ из восьмого ряда:

— Она началась 22 июня 1941 года!

Улыбки. Радость. Восторг от добросовестно выигранной авторучки, на которой логотип фирмы, возглавляемой гостем. Ещё бы! Знать такие «мелочи»!.. — Десятиклассница что-то кому-то писала по wi-fi на принесённом в зал миниатюрном нетбуке, а тут отвлеклась — набрала в поисковике: «великая отечественная». Интернет сразу удовлетворил любопытство, хоть и потребовал привести написанное в соответствие с нормами орфографии. А вы думали, что она на исторический факультет МГУ собралась? Знать всё это... Довольно того, что умеет с компом обращаться, она вам не ботаник из девятого — тот, говорят, Пушкина наизусть читает!

Компьютер — друг человека. Это понимает студент, направляющий на «мыло» преподавателю курсовую: тот ошеломлён мудростью и осведомлённостью отпрыска, настаивает, по крайней мере, на победе в научном конкурсе, пока коллега украдкой не сообщает, с какого сайта скачана информация — от первой строчки до последней. Только прав ли обладатель «мыла», что ставит студиозусу «незачёт»? Сам-то он корпел над диссертацией, чтобы получить право на зарплату преподавателя, а вот куда более расторопные и сообразительные его сверстники, заплатив за диссеры, скачанные с разных файлов и наспех слепленные профессионалами из разных текстов, — давно уже в креслах чиновников, считающих дурным тоном платить своей домработнице такую зарплату, как у какого-то голимого препода...

Компьютер — друг. Теперь студенту не нужно рыскать по библиотекам и книгарням в поисках рекомендованных книжек. Более того: они, рекомендованные, есть не только на специальных сайтах, но и в интранете вуза, прямо

под фамилией того самого препода. Там же — планы занятий, конспекты лекций, вопросы к экзамену, практические задания. И это замечательно. Вот только представим себе ситуацию — а может, из недалёкого будущего... Студент выполнил задание, направил на «мыло» виртуальному преподавателю, получил виртуальную оценку. Потом глянул текст лекции, главу учебника — и сдал тест, пощелкав до боли знакомыми «да — нет», «верно — неверно», «pro — contra». Ни разу не оторвавшись от компа и не увидев в глаза того самого гения науки, освоил курс. А потом, не написав ни строчки, отослал дипломную работу адресату. И — специалист.

— По математике? — Извольте. «Сколько будет дважды два, — о том пусть электронные мозги парятся... И всё же сколько?... Та-ак... Говорит, четыре!»

— По химии? — Тоже: «К двум атомам водорода прибавить атом кислорода... Щас посмотрим... Говорит, какая-то Нэ-два-о!»

— По истории? — Да влѣгкую! «Когда был изобретѣн первый компьютер? — Он изобретѣн, ему и помнить! Здравствуй, дерево!.. Какая ещё электронно... вычислительная... машина?... Похоже, перегрелся».

Человечество вступило в компьютерную эру, и это революция в его развитии, сразу поднявшая цивилизацию на новый уровень. Но ездить в виртуальных электричках, жить в виртуальных домах, питаться виртуальными бифштексами мы так и не научились. И, вероятно, не научимся ещё долго.

— Оттащите ребёнка от компьютера! — всхлипывая, взывает мать не особенно взрослого отца, для которого виртуальные миры давно стали собственными, а на реальный — попросту забил, и все. — Говорит, не забанивай своими примочками!

— Не знаю, что делать. Теперь в институте их сажают за компьютер: приходит домой, — за свою «клаву», знать бы ещё, в какую он так влюбился, до одури! Садится к компьютеру — только если бы играть! Отключила бы, и дело с концом! Но он говорит, там — и вопросы, и решения: знаете ведь, нынешний институт — не фунт изюма!

Фирмы-производители компьютерной техники потирают руки: их детище расходуется неслыханными «тиражами»! Торговцы — тоже потирают: даже не надеялись на такую прибыль! Скоро начнут потирать руки собственники новых, с иголки, психиатрических больниц: их услуги в такой чести, пользуются таким спросом, что отбоя нет от утверждающих, что они — «мониторы», что их нужно поскорее включить, — как и от тихо причитающих, что их «блокировали» и «деинсталлировали».

Высокомудрая дама, привыкшая распределять — и вопросы приезжающему министру, и нагоняи сотрудникам, — как всегда, без запинок и сомнений, сверкая очками, глубокомысленно изрекает: «Критерий работы преподавателя один: есть ЭУМКД — хорошо работает, а нет — значит, плохо!» ЭУМКД — такой электронный учебный комплекс, в нём — вопросы, планы, конспекты. Он — нужен, он — в помощь студенту, и сомнений действительно быть не может. Вот только в институт зачем ходить, если даже лекцию можно увидеть на домашнем компьютере? Преподаватель там что-то трюндит, руками размахивает, пытается нацарапать что-то на доске, она изрисована, а тряпки нет — во ржач! Лучше сразу закачать текст лекции в мобильный — и на зачёте не париться!

Студенты не ходят на лекции? — Этот учебный комплекс, создающийся под разными названиями, делает лекции тавтологией, и они попросту не нужны.

Студенты не учат материалов? — А если есть ответ на экране, то зачем?

Студенты падают у компьютера с пеной у рта? — А это неизбежность. Без этого никак...

Но тут возникает несколько вопросов.

Первый. А зачем люди ходят в театр? Не лучше ли — ведь дешевле и проще! — увидеть всё по ютубу: и актёрам вкалывать не нужно, и в театрах можно открыть, к примеру, компьютерные салоны.

— Не надо! — сверкает очками глубокомысленная дама. — Кстати, зачем вообще люди в театры ходят? Знаете?

— Чтобы... Ну... Чтобы получить наслаждение...

— Вот! Они увидят запись вашей лекции, а на занятие придут получать наслаждение.

Комментарии излишни. Между прочим, глубокомысленная дама — преподаватель, заведующая кафедрой. И она лучше многих знает, что, закачай она свои лекции в Интернет, к ней ни один уважающий себя студент иначе как на экзамен не пожалует. И будет по-своему прав: молодость — враг тавтологий. Но — «есть приказ, и надо быстро».

Второй вопрос. А сколько преподавателям платят за мгновенное, не вяжущееся ни с какой логикой создание электронных учебников, «видеоспектаклей»-лекций, «шпаргалок» к экзаменам — за всё то, чтобы он сам, как тавтология, оказался попросту не нужен? Кажется, ни один каменщик не ударит мастерком, ни один шофёр не повернёт баранку, ни один бизнес-гений, уже наживший миллиарды, не «замочит» конкурента без конкретного «единого эквивалента». Рубля. Доллара. Евро. И так далее...

Ответ подкупает:

— Вы должны! Есть приказ! Наш новый начальник — сторонник дистанционного образования, и вы должны. А об авторских правах и оплате ничего пока не сказано...

И тоже комментариев не нужно. Они слишком очевидны в глазах преподавателей, выкраивающих деньги до зарплаты. И время — только бы муж взял ребёнка из детского сада, а ночью не погас бы свет!

Третий вопрос. Электронные методы — это великолепно; это означает идти в ногу со временем. Вот только... Гневно сверкают стёкла тех же очков: «Студенты жалуются, что вы не часто используете электронные презентации». Это — когда в аудитории нет мела и его приходится прямо во время занятий разыскивать по целому этажу?.. Когда об интерактивных досках, как и о приличных столах в аудиториях и преподавательских комнатах, не приходится и мечтать?! Когда проектор установлен только в «учебной студии», где нельзя читать лекций, а в остальных помещениях — только доски, где ничего не написать, или «новомодные», белые, с маркерами, давно не оставляющими следов даже на специальной доске, — это тоже «в ногу со временем»?!!

И последний вопрос, четвёртый. А зачем нужен учитель в школе и преподаватель в вузе? Если его самого заменить «видеоуроком» и «видеолекцией», его слово — текстом им самим закачанного в «интернет» на свою погибель учебника, а во время экзамена — куском того самого учебника на услужливом

экране айфона? Если лекция — «чтобы получить наслаждение», а с преподаванием информации как таковой вполне справится экран компьютера? Зачем преподаватель? И школа и институт — тоже зачем? Это была бы революция похлеще информационной: сразу станут ненужными общежития и пропадут очереди за ними, сразу толпы голодных преподавателей пополнят ряды тех самых каменщиков и шофёров, а пустующие аудитории тоже отдадут компьютерным салонам, всё-таки люди деньги зарабатывают! Студент не спешит в универ. Преподаватель не размахивает руками у доски. В маршрутке у водилы не грохочет блатняк. Есть — компьютер. И все довольны. Вот только опять вопрос... Кем тогда будет руководить глубокомысленная дама, сверкающая стёклами очков?..

«Инновации» заставляют нас учить ребят пропускать занятия, выгонять их из классов и аудиторий к домашним компьютерам, заставляют мазохистически упиваться собственным бесправием и своей ненужностью, потому что «есть приказ». Но это полбеда. Главная беда — в том, что мы собственными руками разрушаем сложившуюся десятилетиями и столетиями систему образования, систему живого слова и взаимодействия в отношениях школьника и учителя, студента и вузовского преподавателя. Сокрушаемся о том, что детишек не оттащить от компьютера, — и сами толкаем их в пропасть, которой оборачиваются цифровые технологии, уничтожающие в приказах ретивых начальников и детство, и юность. Вспомнилось... — Точно то же самое было, когда детишек укладывали на школьном полу, глубокомысленно воздевая палец к небесам: «Монтессори!» Буквально навязывали им, остолбеневшим от неожиданности, «свободу» и «демократию», а они почему-то ответили вовсе не запрограммированным наставниками (но только наставниками) взрывом «свободных» и по-настоящему «демократических» бандитских разборок, по поводу которых всё ещё не может прийти в себя от умиления телеэкран. И, что не менее важно, сегодня буквально заставляют преподавателя ощутить самого себя таким приложением к машине, набитой файлами, сайтами, клеммами, платами. Ощутить себя приложением, в значительной мере рудиментарным и «догнивающим».

— Я забыла, что сегодня зачёт! — недоумевает по телефону студентка. — Наверное, просто не поставила на «напоминание»!

— Нет, я не ошибся! — обижается студент на экзамене. — Вы сами так говорили, вот! — Он гордо демонстрирует экран айфона, откуда взят ответ, и ему невдомёк, что демонстрирует — шпаргалку, да ещё и с кучей опечаток: преподаватель чересчур резво «пыхтел» над электронным учебником, выполняя очередной приказ...

— Пусть приходят на занятия получать наслаждение! — серьёзно твердит глубокомысленная дама, столь же серьёзно считая себя учёным, да и педагогом заодно...

Это — из романа про апокалипсис? Нет, это из жизни нынешней школы.

А между тем как эффектно выглядит! Ещё одна дама-преподаватель (когда-то из последних на своём курсе, именно поэтому её уговорили идти в магистратуру при нынешних зарплатах), три часа перед тем просидевшая в салоне («Как же! Снимать будут для Интернета!»), чуть касается указкой интерактивной доски — и перед чудом сохранившимися в аудитории студентами открывается на экране... «Тема: Кислоты и щелочи», — читает дама, делая вид, что не разучилась. «Впрочем, об этом вы узнаете, открыв соответствующий видеоролик», —

она кокетливо улыбается и касается экрана вновь. «Специфика тундровой растительности», — читает она очередную открывшуюся картинку, не подозревая, что картинка эта совсем из другой области. («Компьютер умный, он знает!») И только красные глаза и дрожащие руки выдают её ночные бдения над подготовкой электронного учебника (впрочем, она скорее всего забыла, по какому курсу, но не всё ли равно!). Главное, дама знает: есть ЭУМКД — она хорошо работает, а нет (один тут тархтел, что сотню статей написал, и книжки у него есть, — вот уж точно тундровая растительность!) — значит, уже не про неё. Приказ она выполнила, а это главное. Можно расслабиться.

Нас заставляют обучать детей скачивать чужие тексты и пропускать занятия — учить изворачиваться и красть. А значит, убивать в себе человека разумного.

Нас заставляют своим примером учить зрителей, что в театре нужна только вешалка, — чтобы водрузить всем на обозрение шубу, в то время как настоящий театр — дома, в компьютере. А значит, мы должны учить изгонять из себя остатки человеческих чувств.

Нас заставляют клонировать себя в текстах и видеороликах, приучаясь к мысли о своей ненужности и неизбежной «войне клонов», когда щуплый теоретик с указкой в руках обречён на поражение от им самим созданных диаграмм и роликов, а главное — от того образа, который кто-то из студентов откроет вместо лекции. Это же давнее: «Сами проблему создадим — сами её преодолеем»...

Компьютер — друг. Но не заменитель человека, и уж тем более не оправдание уничтожения в нём человеческой сущности, в образовании — живого слова, а в обществе — самого образования. Не нам, даже не глубокомысленным дамам решать, как в одночасье разрушить наследие столетий. А окончательно «подсадить» ребят на «компьютерную иглу», вырывая из веками сложившейся образовательной среды, — по меньшей мере преступление. Против наших детей.